

А.А. Рублева

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Свадебное деревце, коса и головной убор невесты: трансформация свадебных традиций во второй половине XX века (по полевым материалам района Притомья)

Статья посвящена анализу взаимосвязи трансформации свадебной обрядности сельского населения Притомья во второй половине XX в. и социально-культурных изменений на селе, проводимых советским руководством. Трансформация свадебной обрядности показана через призму трех актов прощания невесты с девичеством, воплощенным в косе невесты, девичьем головном уборе и свадебном деревце. Анализ выявил две тенденции. Первая тенденция показала модернизацию сельской свадьбы, приведшей к полному исчезновению атрибутов, связанных с брачным статусом невесты. Причиной исчезновения из свадебного сценария ритуальных действий с волосами, таких как заплетение косы невесты, ее продажа, заплетение двух и повязывание платка «по-бабы», стала социальная политика, проводимая советским руководством, направленная на эмансипацию женщины и включение ее в трудовые, социальные и политические процессы наравне с мужчинами. Отражением изменения социального положения женщины стала новая сельская мода. Советские женщины начали коротко стричь волосы и отказались покрывать голову платком после замужества. Формирование новой гражданской обрядности привело к замене традиционного девичьего головного убора, представленного в Притомье венком из бумажных цветов, белой свадебной фабричной фатой, ставшей на селе символом «современной свадьбы». Причиной исчезновения свадебного деревца к 1980-м гг. из сельских свадебных традиций, стала утрата семантики проводимых с деревцем обрядовых действий. Вторая тенденция отразила устойчивость механизмов обрядов перехода в свадебной традиции. По причине устойчивости этих обрядов на semanticком уровне «современная фата» заменила девичий головной убор, коса невесты продавалась без наличия последней, а ушедшие традиционные элементы (повязывания платка) могли вновь актуализироваться.

Ключевые слова: свадебный обряд, Притомье, девичий головной убор, свадебное деревце, коса, трансформация.

А.А. Rubleva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Wedding Tree, Bride's Braid, and Bride's Headdress: Transformation of Wedding Traditions in the Second Half of the 20th Century (Field Research from the Tom Region)

This article analyzes the relationship between the transformation of the wedding rituals among the rural population of the Tom region in the second half of the 20th century, and social and cultural changes introduced by the Soviet government in the rural areas. The transformation of the wedding ritual is examined through three acts of bride's farewell to her unmarried life. The unmarried status of a girl was embodied in bride's braid, headdress, and wedding tree. The analysis has revealed two trends. The first trend was modernization of rural weddings, which led to complete disappearance of attributes associated with bride's unmarried status. The Soviet government's social policy was aimed at women's emancipation and integration into work and social life. It led to disappearance of the rituals such as braiding the bride's hair, "selling" it, braiding two braids, and putting on her scarf in the "married" way. The new rural fashion reflected changes in the social status of women. After marriage, Soviet women began to cut their hair short and refused to cover their heads with a scarf. The emergence of a new civic ritual led to replacement of the traditional maiden's headdress – a wreath of paper flowers in the Tom region – with a white factory-made wedding veil which became a symbol of "modern weddings" in rural areas. The disappearance of the wedding tree from the rural wedding traditions by the 1980s was caused by the loss of significance of the rituals performed with the tree. The second trend revealed the stability of mechanisms for performing the rites of passage in the wedding tradition. Therefore, at the semantic level, the "modern veil" replaced the maiden's headdress; the bride's braid was "sold" when the bride had a short haircut, and the lost traditional elements (tying a scarf) could become re-actualized.

Keywords: wedding ceremony, Tom region, maiden's headdress, wedding tree, braid, transformation.

В 2018–2021 гг. была проведена этнографическая экспедиция в северные районы Кемеровской обл. Полевое исследование было посвящено изучению сельских свадебных традиций восточнославянского населения Притомья во второй половине XX в. Анализ полевого материала показал, что свадебная обрядность данного периода, в силу социально-экономический и политических потрясений XX в., претерпела изменения в сторону ее упрощения, что отмечалось нами в ранее опубликованных исследованиях [Любимова, Рублева, 2019, с. 712]. Коллективизация, раскулачивание, послевоенный экономический и демографический кризис, процессы экономической и культурной модернизации и пр., повлияли на сельскую культуру, что не могло не отразиться на свадебных традициях [Бердинских, 2001, с. 227–228; Олсон, Адоньева, 2016; Донченко, 2007; Исупов, 1990, с. 86–87]. В связи с этим цель данного исследования – на основе анализа свадебных традиций второй половины XX в., проследить взаимосвязь социально-культурных изменений на селе и трансформации свадебного обряда. Учитывая обширность проблемного поля, анализ будет ограничен свадебными атрибутами (и обрядами действиями), обозначающими изменение брачного статуса невесты. Источниковой базой исследования выступили более 30 свадебных сценариев 1940–1990-х гг., записанных от сельских жителей Мариинского, Чебулинского и Тяжинского р-нов Кемеровской обл. в 2018–2021 гг.

В отечественной этнографии исследователями восточнославянского свадебного обряда к атрибутам, связанным с брачным статусом невесты и с его изменением, относят – девичью косу невесты, девичий головной убор и свадебное деревце [Колесницкая, Телегина, 1977, с. 122]. Именно с этими атрибутами связан мотив прощания невесты с девичеством. Ритуальные действия с косой невесты включали в себя следующие этапы – заплетение косы, ее продажа стороне жениха, расплетение косы, чесание волос и затем «окручивание» невесты (надевание женского головного убора) [Бернштам, 1982, с. 54–55]. Воплощением девичества в свадебном обряде являлось свадебное деревце, которое имело символику, «соответствующую основным моментам обрядового «перехода»: разрыв с девичеством и создание новой семьи» [Гура, 2012, с. 255–261]. В северорусском варианте свадебного обряда в роли свадебного деревца мог выступать банный веник [Там же, с. 264]. Этот же вариант получил распространение на территории Сибири у русских старожилов региона [Сибирь и Русский Север, 2014, с. 165–176]. Украшенное деревце, являясь символом невесты, передавалось или продавалось стороне жениха, после чего его уничтожали, что завершало цикл бытования атрибута [Гура, 2012, с. 266]. В восточнославянском свадебном обряде девичья коса (косные украшения), свадебное деревце и головной убор соотносились с таким понятием, как «девяя красота».

По мнению Т.А. Бернштам, «девяя красота» олицетворяла в культуре восточных славян душу девушки, которую она теряла, выходя замуж. Через отчуждение от невесты материальных атрибутов, воплощавших представления о «девьей красоте», девушка-невеста «навсегда утрачивала свойства, присущие своему девичьему «Я» – волю, независимость, право распоряжаться своей судьбой» [Там же, с. 56, 65].

Свадебные сценарии, бытавшие в регионе Притомья во второй половине XX в., не сохранили в полной мере всех трех актов прощания невесты с девичеством, воплощенным в косе, головном уборе и свадебном деревце. Свадебный сценарий, содержащий все три этапа прощания невесты с девичеством, удалось зафиксировать только для первой половины XX в. (1920-е гг.) в д. Усть-Серта Чебулинского р-на. К концу XX в. в Притомье коса, традиционный девичий убор и свадебное деревце практически вышли из бытования.

Девичий головной убор

Во второй половине XX в. на территории Притомья наиболее часто встречающимся вариантом девичьего головного убора у сельских невест был венок. Традиция изготовления венка на свадьбу была более характерна в селах, основанных переселенцами юго-западных губерний Российской империи или же в тех местах, где русское старожильческое население контактировало с переселенцами. У потомков украинских переселенцев бумажные цветы в венке укладывались в несколько рядов, сзади венок украшался длинными лентами. В других вариантах бумажные цветы обмакивали в жидкий воск и укладывали одним рядом. Иногда венок могла украшать фата. Последнее упоминание использования венка сельскими невестами, согласно полевым материалам, относится к свадьбе потомков украинско-белорусских переселенцев с. Белгородка Мариинского р-на, сыгранной в 1969 г. Венок сельские невесты носили на протяжении всего первого свадебного дня, снимая его ко второму дню гуляния. Зачастую, во второй половине XX в., снятие венка с невесты не сопровождалось обрядовыми действиями, девушки это делали самостоятельно или в присутствии родственников. В редких случаях снятие венка завершалось повязыванием платка «по-бабы». В с. Борисоглебка Тяжинского р-на потомки украинских переселенцев вечером первого свадебного дня с невесты снимали свадебный венок, а свекровь повязывала платок. Если у потомков переселенцев Притомья в качестве девичьего головного убора выступал венок, то у потомков старожильческого населения региона девичьего головного убора у невесты не было зафиксировано. Девушки-старожилки заплетали косу, иногда украшая ее лентами. Также в качестве головного убора невесты у старожилов могла выступать фата. В первой половине XX в. фатой в Притомье

называли плотный платок, которым закрывали лицо невесте в первый день свадьбы, что являлось характерным для русской свадебной традиции [Зорин, 2004, с. 77]. Фата в ее современном понимании (светлая материя, украшающая голову невесты, но не скрывающая лицо) появилась в Притомье только в 1950-е гг. и чаще встречалась у потомков русского старожильческого населения. Стоит отметить, что белая фата у сельских невест в среде сибирских старожилов фиксировалась исследователями на более ранних этапах, в конце XIX – первой половине XX в. Невесты из старожильческих семей, следуя моде, шили себе белую свадебную вуаль [Фурсова, 2013, с. 13–14]. В 1950-е гг. сельские невесты изготавливали фату самостоятельно из накрахмаленной марли. В широкий обиход белая фата начинала входить в 1960-х гг. Но к концу этого десятилетия на место «домашней» фаты из марли, пришла «магазинная» фата, ставшая для сельских невест маркером «современной свадьбы». Появление именно в эти годы белой фабричной фаты не случайно. В конце 1950-х годов советское руководство вновь обратило свое внимание на культурные преобразования. Их целью стало создание гражданской обрядности, призванной заменить обрядность религиозную [Жидкова, 2012, с. 412–414]. Реформы коснулись свадебной сферы. Была создана гражданская свадебная церемония, для проведения которой стали открывать Дворцы Бракосочетаний. Модные журналы конца 1950-х гг. создают свадебные образы. Эталонным событием становится бракосочетание космонавтов Валентины Терешковой и Андрияна Николаева в 1963 г., где невеста облачена в белое пышное платье и фату [Там же, с. 416–420]. На эти изменения откликается сельская мода. Покупная белая фата становится символом «современной свадьбы», наследующей городской моде, которая во то время захватывает сельскую культуру. Заменяя традиционный девичий головной убор, «современная» белая фата на семантическом уровне при этом частично выполняет традиционную обрядовую функцию. В 1970–1980-х гг. сельским невестам вечером первого свадебного дня снимали белую фату, а вместо нее повязывали платок «по-бабы». Зачастую фату снимала мать невесты, а платок повязывала свекровь, что означало окончательный переход невесты в новый статус и в новую семью. Теперь белая фата становится символом девичества и незамужнего статуса невесты, сменяемая женским головным убором.

Отдельно стоит сказать о женском головном уборе. Единственная форма женского головного убора, зафиксированная в свадебном обряде у сельского населения Притомья во второй половине XX в., был платок, полностью закрывавший волосы женщины. Полевой материал, относящийся к свадебным традициям 1950–1960-х гг. в редких случаях фиксирует повязывание платка «по-бабы» невестой во время свадьбы. Зная о традиции ношения замужними жен-

щинами платка, сельские невесты этого периода не повязывали платок, в некоторых случаях мотивируя это тем, что «гуляли свадьбу по-современному». Покрывание головы платком вновь встречается в свадебных сценариях 1970–1980-х гг., о причинах которого будет сказано ниже. Надевая на второй день свадьбы платок, невеста в дальнейшем, в повседневной жизни, его уже не носила. Отказ от ношения платка «по-бабы» у советских невест был связан с процессами социальной модернизации, проводимой советским руководством. Одним из направлений советской социальной политики была эмансипация женщины и включение ее в политические и трудовые процессы наравне с мужчиной. Меняющийся социальный статус советской крестьянки в 1920–1930-е гг. повлиял на ее внешний образ – советские девушки и молодые женщины постепенно отказывались от традиционной одежды и покрытой платком головы, отдавая предпочтение одежде прямого кроя, открытой голове и порой коротким стрижкам [Дмитриенко, 2014, с. 47–60]. Потеряв актуальность в повседневной жизни, женский головной убор затем перестает быть атрибутом замужней женщины в свадебном обрядности к концу XX в.

Коса невесты

В восточнославянской свадебной традиции невесте коса заплеталась сложным образом – во время ее заплетения путали пряди, вплетали нити, втыкали в косу булавки [Бернштам, 1982, с. 54–55]. Свадебная традиция Притомья второй половины XX в. не демонстрирует сложных вариантов плетения косы невесты. Были зафиксированы единичные случаи украшения косы невесты лентой (чаще всего красной), которую после расплетения невеста могла передавать своей близкой подруге. Особых обрядовых действий с волосами невесты в предсвадебный период во второй половине XX в. зафиксировано не было. Перед приездом жениха подруги собирали невесту, заплетали ей косу, которую затем продавали во время выкупа жениху либо родственники девушки-невесты (братья, сестры, крестные), либо сами подруги. По воспоминаниям информанток, выкуп за косу платился номинальный, т.к. тяжелое финансовое положение послевоенного времени не позволяло больших финансовых трат. По этой же причине выкуп и продажу косы могли не проводить вовсе.

У сельских жителей Притомья начала второй половины XX в. сохранялось устойчивое представление о том, что «одна коса – девка, две косы – замужняя». В старожильческом с. Малопесчанка Мариинского р-на в 1956 г. невесте расплетали одну косу и заплетали две под «плакательные» песни: «*Коса (у невесты на выкуп) покаместь одна. А потом уже две половинки делятся*». У потомков украинско-белорусских переселенцев с. Белгородка Мариинского р-на в 1950-е гг. сохранилась традиция участия жениха в

переплетении невесты – вечером первого свадебного дня у себя в доме жених расплетал косу невесты, расчесывал ее волосы. На утро второго дня девушке заплетали две косы. В остальных случаях, где переплетение одной косы на две сохранялось, девушки-невесты делали это самостоятельно вечером первого свадебного дня или на утро второго. Такая практика впервые была нами зафиксирована относительно 1940-х гг. и продолжалось до конца 1960-х гг., пока окончательно не вышла из бытования.

Причиной постепенного исчезновения ритуальных действий с волосами, таких как заплетение девичьей косы, ее продажи и заплетение двух кос, в свадебной традиции Притомья, стала популярность коротких стрижек в сельской среде у девушек. Начиная со второй половины 1950-х гг. в полевом исследовании встречались упоминания об отсутствии у невесты косы. Появившись в 1920–1930-е гг. в рабочей городской среде, женские короткие стрижки постепенно становились нормой у советских женщин, и к концу 1960-х гг. основательно вошли в моду [Сыромятникова, 2002, с. 180–185]. В это же время сельская молодежь активно контактировала с городской культурой, которая становится проводником «современности» для сельского жителя. Городская мода, проникая в сельскую среду, повлияла на нее, в т.ч. в вопросе женских причесок. К 1970-е гг. одна коса, как традиционная прическа невесты, полностью исчезает из свадебного обряда, т.к. невесты отдают предпочтение «современным прическам». Но устойчивость свадебных традиций и потребность в обряде перехода сохраняет выкуп косы у невесты в 1970–80-е гг. при отсутствии самой косы – сторона невесты во время выкупа продавала стороне жениха косы, за отсутствующую косу сторона жениха платила выкуп. Кроме того, потребность в обозначении смены брачного статуса в ходе обряда, которое ранее обозначалось заплением двух кос, вновь актуализирует повязывание невесте платка «по-бабы» в 1970–1980-е гг. Полевой материал позволяет предположить, что в некоторых селах традиция повязывания платка невесте во время свадьбы для обозначение замужнего статуса может практиковаться сельскими жителями до сих пор.

Свадебное деревце

В свадебной традиции Притомья второй половины XX в. случаи изготовления свадебного деревца были единичными и встретились в ходе полевого исследования только в нескольких селах. У потомков украинских переселенцев д. Новоказанка Чебулинского р-на, потомков курских и смоленских переселенцев с. Курск-Смоленка Чебулинского р-на, у потомков переселенцев из европейской части России д. Мелехино Мариинского р-на, с. Ступишино и д. Георгиевка Тяжинского р-на свадебное деревце в 1950–1960-е гг. было представлено маленькой

елочкой, которую украшали бумажными цветами и лентами. Изготавливали елочку в доме невесты ее подруги заранее. Во время выкупа елочка стояла на столе, возле невесты. Остальных этапов обрядовых действий со свадебным деревцем, таких как продажа ее стороне жениха во время выкупа и уничтожение, восстановить в ходе полевого исследования не удалось. Вероятно, нахождение деревца на столе во время выкупа невесты позволяет предположить ее продажу стороне жениха. У потомков украинских переселенцев с. Борисоглебка Тяжинского р-на в роли свадебного деревца выступали «ельцы» – в хлеб втыкали шесть тонких палочек-«ельцев», украшенных цветной бумагой. Под «ельцы» ставили две «чекушки» с водкой, связанных между собой лентой. Хлеб, украшенный «ельцами», делали в доме жениха и невесты. Дальнейших действий с ними также установить не удалось. У русских старожилов Притомья свадебное деревце было представлено банным веником невесты. Но такой вариант деревца бытовал в 1920-е гг., а более поздняя старожильческая свадебная традиция региона этого атрибута не сохранила. Последние воспоминания об изготовлении свадебного деревца в Притомье относятся к 1980-м гг. Позднее деревце исчезает из обрядовой практики сельских жителей региона, причиной чего стала, на наш взгляд, потеря смыслов изготавляемого атрибута. В понимании информантов свадебное деревце играло в свадебном обряде эстетическую роль: «*Я тебе детка не скажу для чего это делали. Может для красы?*». Вероятно, изготавливая свадебное деревце в 1950–1960-е гг., сельские девушки следовали локальной свадебной традиции, которая предписывала украшать елочку на свадьбу. Затем, с постепенным уходом старшего поколения, следившего за исполнением традиционных норм и с нарастанием роли молодежи в свадебном обряде, вызванным культурными реформами советского руководства, молодое поколение сельских жителей избавилось от непонятных ему атрибутов. В то время как новые свадебные атрибуты, такие как туфелька невесты, бокалы шампанского, перевязанные ленточкой, свадебные кольца и др. становятся важными символами новой свадебной обрядности [Шаполова, 2013, с. 354–355].

Итак, анализ трансформации свадебной обрядности сельского населения Притомья второй половины XX в. через призму трех свадебных атрибутов (свадебное деревце, коса и головной убор невесты) показал две тенденции. С одной стороны, социальная и культурная политика советского руководства (создание новой гражданской обрядности, где ведущая роль отводилась молодежи, эмансипация женщины) привели к исчезновению к концу XX в. традиционного девичьего головного убора, свадебного деревца и косы невесты. Исчезновение данных атрибутов, являющихся квинтэссенцией традиционных представлений уходящей эпохи о браке, роли мужчины и женщины

в семье показало глубинные изменения в социальном устройстве сельского советского общества. Во второй половине XX в. девушке-невесте больше не актуально прощаться с «девьей красотой», т.к. после замужества ее воля и свобода распоряжаться своей судьбой остается у нее в руках, а не передается в руки мужу. С другой стороны, анализ показал, что, несмотря на эти изменения, свадьба оставалась способом закрепления перехода девушки в новый социальный статус и, следовательно, нуждалась в традиционных механизмах обрядов этого перехода. По этой причине вновь пришедшие современные свадебные атрибуты переняли на себя некоторые функции традиционных (белая фата невесты заменила традиционный девичий головной убор), значимые обряды проводились без ключевых атрибутов (продажа косы невесты при ее отсутствии), а ушедшие атрибуты, как в случае с платком «по-бабий», могли вновь актуализироваться.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0011 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».

Список литературы

Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. – М.: Аграф, 2001. – 427 с.

Бернштам Т.А. Обряд расставания с красотой. К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде. // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. – СПб.: Наука, 1982. – С. 43–66.

Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. – М.: Индрик, 2012. – 936 с.

Дмитриенко Н.М. Томские женщины-крестьянки в условиях социальных перемен (1920–1930-е гг.). // Сибирские исторические исследования: Научный периодический журнал. – 2014. – № 3. – С. 46–70.

Донченко О.Н. Сибирское крестьянство: социально-экономическая эволюция в 1920–30 гг. // Омский научный вестн. – 2007. – № 3–55. – С. 15–19.

Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30, № 3–4. – С. 408–429.

Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. – М.: Наука, 2004. – 248 с.

Исупов В.А. Социально-демографическая ситуация в Сибири в первые послевоенные годы // Социально-культурное развитие Сибири: Бахрушинские чтения. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1990. – С. 84–92.

Колесницкая И.М., Телегина Л.М. Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография – СПб.: Наука, 1977. – С. 112–122.

Любимова Г.В., Рублева А.А. Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX в. (по полевым материалам 2018–2019 гг.) //

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 708–713.

Олсон Л., Адоньева С. Миры русской деревенской женщины: Традиция, трансгрессия, компромисс. – М.: Новое литер. обозр., 2016. – 440 с.

Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, А.Б. Пермиловская, А.В. Черных и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 296 с.

Сыромятникова И.С. История прически. – 3-е изд., перераб. и дополн. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 288 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда восточнославянских народов в Новосибирской области (конец XIX – первая половина XX века). – Новосибирск: АРТПресс, 2013. – 68 с.

Шаповалова Я. А. Советская свадебная обрядность в 1950–1980-х гг.: традиции и новации // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 354–359.

References

Berdinskikh V.A. Krest'yanskaya tsivilizatsiya v Rossii. Moscow: Agraf, 2001. 427 p. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/berdin/text.pdf> (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Bernshtam T.A. Obryad rasstavaniya s krasotoi. K semantike nekotorykh elementov material'noi kul'tury v vostochnoslavianskom svadebnom obryade. In *Pamyatniki kul'tury narodov Evropy i evropeiskoi chasti USSR*. Saint Petersburg: Nauka, 1982. P. 43–66. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xxxviii/mae_xxxviii_04.pdf (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Dmitrienko N.M. Tomskie zhenshchiny – krest'yanki v usloviyakh sotsial'nykh peremen (1920–1930-e gg.). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya: Nauchnyi periodicheskii zhurnal*, 2014. No. 3. P. 46–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tomskie-zhenshchiny-krestyanki-v-usloviyah-sotsialnyh-peremen-1920-1930-e-gg/viewer> (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Donchenko O.N. Sibirskoe krest'yanstvo: sotsial'no-ekonomicheskaya evolyutsiya v 1920–30 gg. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2007. No. 3–55. P. 15–19. (In Russ.).

Fursova E.F., Permilovskaya A.B., Chernykh A.V., Zuev A.S., Lyutcidarskaya A.A., Mainicheva A.Y., Glukhikh E.I., Golomyanov A.I. Sibir' i Russkii Sever: problemy migratsii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii (XVII – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. 296 p. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SSqkRYoltSFAxZ7IdQGq86g5VPWnyu8PMGIVoMEISeQZP6FfeMdSeaEuKGReSUBmDYWtHipMuE7hBuCrIF4EM86BKGyfvIbV_CawMzgas2xsjb9LqeamQ/Sibir_i_Russkiy_Sever_problemy_migratsiy_i_etnokulturnykh_vzaimodeystviy_XVII_-nachalo_XXI_veka.pdf (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Fursova E.F. Traditsionnaya odezhda vostochnoslavianskikh narodov v Novosibirskoi oblasti (konets XIX – pervaya polovina XX veka). Novosibirsk: ARTPress, 2013. 68 p. (In Russ.).

Gura A.V. Brak i svad'ba v slavyanskoi narodnoi kul'ture: Semantika i simvolika. Moscow: Indrik, 2012. 936 p. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2012_gura.pdf (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Isupov V.A. Sotsial'no-demograficheskaya situatsiya v Sibiri v pervye poslevoennye gody. In *Sotsial'no-kul'turnoe*

razvitiye Sibiri: Bakhrushinskie chteniya. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1990. P. 84–92. (In Russ.).

Kolesnitskaya I.M., Telegina L.M. Kosa i krasota v svadebnom fol'klore vostochnykh slavyan. In *Fol'klor i etnografiya*. Saint Petersburg: Nauka, 1977. P. 112–122. (In Russ.).

Lyubimova G.V., Rubleva A.A. Ritual Scenario of Russian Siberian Wedding: Traditions and Innovations in the Second Half of the 20th Century (Based on Field Materials of 2018–2019). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 708–713. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.708-713

Olson L., Adoneva S. Miry russkoi derevenskoi zhenschiny: Traditsiya, transgressiya, kompromiss. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 440 p. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/1mDqMnn9Z1EWeoP77SjsIJGk3yvH8BqZezLqZ7GJkxmwUUUv1Z_oxGWzErILvjhM1lSAkt8Ip3EqH9fJQrvsW57iw6513-tvwWGnBx_cSG54xY3o9LJeZQ/Traditsia_transgressia_kompromiss_Miry_russkoy_derevenskoy_zhenschiny.pdf (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Shapovalova Y. A. Sovetskaya svadebnaya obryadnost' v 1950–1980-kh gg.: traditsii i novatsii. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013. No. 11. P. 354–359. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-svadebnaya-obryadnost-v-1950-1980-h-gg-traditsii-i-novatsii/viewer> (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

obryadnost-v-1950-1980-h-gg-traditsii-i-novatsii/viewer (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Syromyatnikova I.S. Istoriya pricheski. Moscow: RIPOL KLASSIK, 2002. 288 p. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/kIgOe9WEoVrwy-GjCsam9Pf_tENg6pRXEwk55aBMB6FELE2fv8HoQKrVstEDeOJY7WJ9qUrJX4PpAiB4z78-vwEOHS_dzlZyFVW_wLZJZs99BLkjvUaPOQ/Syromyatnikova_Istoria_prichyoski.pdf (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Zhidkova E. Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost' kak al'ternativa obryadnosti religioznoi. In *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2012. Vol. 30, No. 3–4. P. 408–429. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-grazhdanskaya-obryadnost-kak-alternativa-obryadnosti-religioznoy/viewer> (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Zorin N.V. Russkii svadebnyi ritual. Moscow: Nauka, 2004. 248 p. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/LlsU41mWkHU5XVXcrW7rvh0IyHSony3UkseKvtUfAcFtvj3j6ok6MrD0H1zJEF3p6sheJ328r03rtwBJqz3YhTWhqGoHHUEOIAZNkd8zc5DqtXkk1Vu92g/Zorin_N_V_-Russkiy_svadebnyi_ritual_-_2004.pdf (Accessed: 19.09.2025). (In Russ.).

Рублева А.А. <https://orcid.org/0000-0003-4967-6311>

Дата сдачи рукописи: 19.09.2025 г.